

ОТБРОСИМ КОМПЛИМЕНТЫ

Самым примечательным событием культурной жизни столицы последних двух недель стало, бесспорно, открытие давно объявленного, с нетерпением ожидаемого Театра дружбы народов. И хотя новоброжденный театр еще долго не сможет вступить во владение предоставленным ему помещением (на Тверском бульваре, 22, будет работать труппа МХАТа под руководством Т. Дроминой до тех пор, пока не отремонтируют закрепленную за этим коллективом здание по улице Москвина), двухнедельный показ лучших спектаклей театров страны в честь 70-летия Великого Октября под эгидой новой творческой организации с успехом продолжается на других театральных площадках города.

Конечно, правильнее всего подводить итоги такого показа, когда будут отыграны последние спектакли. Тем более что каждый из них сопровождается открытым зрительским обсуждением сразу же по окончании представления, и эти непосредственные отклики вместе с впечатлениями от самих спектаклей дадут богатую пищу для размышлений всем причастным к смотру: его организаторам, самим участникам показа, специалистам — теоретикам и критикам. Все это так. И тем не менее уже сейчас, по горячим следам первых представлений хочется высказать несколько соображений, несколько мыслей, заведомо дискуссионных, точнее, даже сознательно вызывающих на спор.

Смотр открыл спектаклем «Король Лир» В. Шекспира грузинский театр имени Ш. Руставели, широко известный, прославленный именами своих замечательных актеров и режиссеров на протяжении нескольких поколений. Многообещающим было и имя постановщика — Р. Стурца, чья знаменитый «Ричард III» (москвичи запомнили этот спектакль во время гастроль театр осенью 1980 года) с триумфом обошел сцены не только у нас, но и в ряде зарубежных стран.

И, может быть, именно потому, что все мы так многого ждали от новой работы режиссера, «Король Лир» скорее удивил, нежели обрадовал, в чем-то насторожил, называвал огромное число загадок, а в чем-то и разочаровал немалое число зрителей.

Конечно, тем, что «весь мир — театр, и люди в нем — актеры», по выражению Шекспира, и что сцена есть продолжение жизни, можно объяснить присутствие в

качестве декорации точной копии фрагмента зрительного зала самого тбилисского Театра имени Руставели в момент его затянутающегося ремонта. Но при чем здесь еще и железнодорожное полотно, по рельсам которого будет двигаться остова вагона, служащий то замком Гонерильи, то шалашом в степи, то штрмом на поле боя? Можно, конечно, условно принять за некую стилизацию средневековых костюмов те длиннополое, светлых тонов полухалаты-полушальи, в которые облачены, как в униформу, почти все персонажи спектакля. Но почему из-под этих полушальи у Гонерильи и Реганы выглядывают вполне современные шальвары, а в ряде сцен эти дамы появляются облаченными в ультрасовременные туалеты, то ли от Кардена, то ли от Вячеслава Зайцева? А бедняжка Корделия и вовсе предстает перед нами этакой невзрачной девчонкой-подростком, случайно забредшей сюда прямо с очередной «Стусовки», в черных шортиках, «робингудках», с белым шарфиком вокруг шеи и сачком для ловли рыбы в руках. Ленин, расслабленной походкой направляется она к молодому красавцу Кенту, по костюму и внешнему облику сродни тбилисским денди с проспекта Руставели, и, положив ему на плечи руки, целуется с ним, точь-в-точь как та молодые пары, что, прильнув друг к другу в людской толчеи, откровенно стоят на троллейбусных остановках или медленно плывут на эскалаторах метро.

А вскоре и Эдгар повергнет нас в шоковое состояние, возникнув вдруг в изящном теннисном костюме, только почему без ракетки. Спектакль так насыщен всевозможного рода режиссерскими неожиданностями, а есть среди них и блестящие находки (например, выполняющие из разных углов сцены, будто гигантские черные тараканы, солдаты мятежного войска), что их можно было бы перечислять до бесконечности. Но преобладает в нем все-таки одно — электикс: мысли, постановочных приемов, оформления, даже порой актерского исполнения, в которой растворяется и тонет глубина философской мысли трагедии. Кажется, будто главной задачей режиссера было ошеломить, захватить шарадами зрителя, чтобы не дать ему опомниться до конца спектакля.

К сожалению, столь же электиксичным, и по тем же основным своим граням, оказался и

следующий спектакль смотра — «14 Красных Избушек» А. Платонова, показанный Саратовским драматическим театром имени К. Маркса. Режиссер А. Дзекун проявил завидную смелость, взяв пьесу 50-летней давности, никогда и никем до него не ставившуюся на сцене, пьесу-притчу, без четко выраженного сюжета, где рядом с вполне реальными персонажами существуют полусказочные фигуры, погруженные в более чем прозаический быт нищей и голой российской деревни первых лет коллективизации.

На зрительском обсуждении говорилось главным образом о том, как прекрасно, что театр первым одарил нас сценическим прочтением драматургии Платонова. И это справедливо. Но при этом очень мало о том, насколько удачным оказалось это прочтение. А ведь в спектакле, весьма неровном по своим художественным достоинствам, есть моменты и откровенно блестящие по отношению к собственной нашей истории, которую театр пытается представить во всей ее неприкрашенной откровенности. Достаточно вспомнить, как таскают по сцене портрет В. И. Ленина, предварительно извлеченный из-под груза песка, а теперь как бы осеивающий своим присутствием все праведные и неправедные дела, творимые в колхозе «14 Красных Избушек». Или вспомним вышну, увенчанную Гербом Советского Союза, с которой в финале будет направлено и налево пальцы по «врагам народа» сверхусердно проводящий «директивы» Антошка. Да и огромное, нарочито огрубленное изображение аплодирующей Сталина во весь «железный» супернавес, за которым потом развернутся беспросветные картины колхозной действительности, — тоже в достаточной степени прямойлинейный и не столь уж изобретательный прием. К тому же замедленные ритмы, часто невнятная речь актеров еще больше усугубляют слабые стороны спектакля.

Театр дружбы народов провозгласил своим девизом показ ЛУЧШИХ работ театров страны. Мы же увидели пока работы скорее экспериментального характера, спорные, интересные для профессионалов, но требующие, пожалуй, серьезного комментария. И ссылки на значимость авторских или режиссерских имен здесь вряд ли уместны. Поэтому, может быть, и не

стоило так категорически утверждать, что на новой сцене будут идти только самые, самые, самые... Вернее будет сказать: наиболее любопытные, необычные по драматургии, режиссуре, актерским работам. И не будем заранее выдавать их за некий эталон, критерий которого приходится потом отстаивать.

По ходу смотра напрашивается и такой вопрос: каким мыслится контингент зрительского зала в новом театре?

В смотре участвует 11 театров, показывающих свои спектакли по два раза (три московских театра — по одному разу). Первый спектакль предполагался только для приглашенных специалистов: организаторов показа, советской и зарубежной прессы, представителей театральной общности всех союзных республик, членов творческих союзов писателей, художников, музыкантов. На второй день спектакль должен был играть для всех зрителей. Но еще до открытия смотра стало ясно, что одним показом удовлетворить всех желающих, даже только из числа театральных работников — одних московских актеров, жаждущих посмотреть работы своих коллег из других городов, не считается не одна тысяча, — просто нереально. Пришлось и на второй день предоставить билеты почти исключительно профессионалам. А как же широкий зритель? Неужели Театр дружбы народов, только-только родившись, уже превратится в закрытую элиту, организацию, обслуживающую исключительно театральных деятелей? Тогда зачем эта широко вещательная реклама, это многообещающее название?

Но не будем слишком строги ми в отношении устроителей кан театра, так и его первой программы. Начинать всегда трудно и далеко не все удается заранее предусмотреть. Но взять себе на заметку это немаловажное обстоятельство, что широкий зритель в открытии Театра дружбы народов практически участия не принимал, необходимо.

Первые спектакли смотра уже преподали нам определенные уроки, заставили думать, пробудили желание спорить. Нужно, только, чтобы это большее и полезное дело не стало достоянием «избранных» и Театр дружбы народов превратился бы действительно в театр всех и для всех.

Н. БАЛАШОВА.